

Специфика синергии ценностных и когнитивных процессов в концептуальном развитии творческой личности

**// Вестник Томского государственного университета. № 379.
2014. С. 175 – 180.**

*Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ в рамках научного проекта № 13-06-00592а.*

***Аннотация.** Статья посвящена методологическому обоснованию, методической операционализации и эмпирической конструктивной валидации матричной формы Метода психосемантического графа (МПСТ) в связи с задачами исследования синергии ценностных и когнитивных процессов в концептуальном развитии творческой личности. Расширяется понимание возможностей реализации инновационных замыслов творческой личности. Рассматриваются новые перспективы прогностического комплекса методик, содействующих анализу синхронизации когнитивных и ценностно-смысловых процессов в инновационном творчестве.*

***Ключевые слова:** метод психосемантического графа, концептуализация, концепт.*

Социальный запрос на инновационно-ориентированную творческую личность в нашем меняющемся обществе растет неуклонно. Анализ инновационной ориентации личности предпринимателя заслуживает многостороннего рассмотрения корреляционных связей с ее творческими характеристиками. Речь идет и об общепсихологических качествах (беглость и неординарность ассоциативного потока, чувствительность к «далеким» аналогиям и т.п.), и о, собственно, личностных. Такие известные характеристики творческой личности как интеллектуальная инициатива, сопротивление шаблону, выход за рамки норматива, отсутствие боязни и выраженное стремление все начать заново (Матейко, 1970; Лук, 2011) [1; 2] явно соответствуют духу предпринимательства. Не менее парадоксальны результаты тестовых проверок, говорящие об отсутствии корреляций между интеллектуальными и творческими способностями (Холодная, 2002; Любарт, 2009) [3; 4].

Можно предположить, что личность, *явно ориентированная на достижения*, развивается более синергично, спонтанно; и эмерджентно ассимилирует в себе в коммуникации с миром интеллектуальные, креативные и предпринимательские стороны (Адлер, 2002; Юнг, 1997; Фрейджер, 2008) [5; 6; 7]. Думается, это возможно при особой синергии когнитивных и ценностно-смысловых репрезентаций личности и ее *творческой коммуникации с миром*.

Мы предполагаем, что эта синергия обеспечивает и обеспечивается интенсивной жизнью «*концептосферы*» личности. Мы воспользовались термином концептосфера, введенным Д. Лихачевым, поскольку он содержит важную в контексте проблемы наиболее емкую в психосемантическом смысле единицу анализа – концепт (Лихачев, 1996). Он загадочно объединяет ценностный и когнитивный аспекты актуальной картины мира и любого события в нем. Только приведем аутентичные цитаты из работы самого Д. С. Лихачева. «Термин «концептосфера» вводится мною по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности....

Русский язык действительно «жгуче знойный» по возбуждаемым им концептам. «Жгучего зноя» не может возбудить язык, склонный к обнаженно понятийным и однозначным определениям, к терминологичности, удобной для науки, техники и для

компьютеров, лишённого богатого человеческого, национального, исторического эмоционального опыта...

Концепты – это некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заместители», некие «потенции» значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом... Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [8. С. 142 – 155].

Концепт существенно отличается от более диффузных или простых единиц психосемантического анализа: семантического поля (Лурия, 1975), семантических парадигм, синтагм, антонимов, «пресуппозиций» (Звегинцев, 2001), полярных профилей семантического дифференциала (Osgood, 1952), перцептивных категорий (Брунер, 1977), личностных конструкторов (Kelly, 1991), семантических пространств (Петренко, 1997) [9; 10; 11; 12; 13; 14]. Возможно, он соразмерен «Семантической Вселенной» В. В. Налимова [15]. Между этими *когнитивными ракурсами* конструирующего опыта, порой формирующегося без участия сознания, но легко осознаваемыми, существуют явные и неочевидные различия.

Поскольку наша задача «операционализировать» концепт как *лично значимую* единицу анализа, важно уточнить его отличие от простых *перцептивных* категорий Дж. Брунера и поисковых предсказательных конструкторов G. Kelly. Эти «концепции» категоризации и конструирования опыта человека произвели существенную подвижку в понимании спонтанной активности когнитивных процессов человека. При этом не теряет актуальности уже классическая концепция-гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, показывающая, что явления и события, не попадающие в категориальную сетку опыта игнорируются и вытесняются из поля внимания и сознания, но видимо не всеми! В этом контексте показательны утверждения Дж. Брунера и Р. Арнхейма о том, что творческие личности, художники, в отличие от «обычных» людей пользуются ассимилятивными категориями, схватывающими разнородный опыт. Они приводят к интенсификации переработки и накопления этого опыта в *русле творческого интереса* [12; 16].

Несмотря на гибкий «концепт» категорий Дж. Брунера и жестко операционализированную модель конструктора в репертуарных решетках G. Kelly¹, они имеют общую рациональную основу, реализующуюся в процессах установления сходства, различия, обобщения и классификации опыта. Эти категории и конструкторы рождают модусы сознания в виде экспектаций и экстраполяций. При всей важности установления указанных аспектов живой опыт личности, на наш взгляд, более *холистичен* и одновременно *пластичен*. Именно это мы пытались увидеть в процессе концептуализации, которая всегда содержит *тайну, недоопределенность* и *противоречие*, приводящие к потенциальной инверсивности, транспозиции (эммерджентного переноса в метапозицию), спонтанной смене фигуры и фона. Живая концептуализация ведет к потенциальному инсайту в соответствии с известными законами творческого гештальта. Можно сказать, что концепт, ассимилировавший противоречия чреват творческим гештальтом. Когда гештальт «разрешается» инсайтом, тайна исчезает, но может возникнуть формально непротиворечивая и скучная теория.

Человек может буквально «шкурой» почувствовать творческий гештальт. Например, купаясь после парной в снегу – холодный жар и жгучий холод восхитительным образом объединяются в пиковом переживании, почти органически ассимилируя противоречие оппозиций. Но приходит физическая термодинамика и

¹ G. Kelly ввел понятие конструктора как «симультанной констатации сходства и различия» [13].

объясняет, что это просто разные «температуры» внешней и внутренней среды. К счастью, это не нейтрализует инсайтные переживания, приводящие и к новым версиям, например в духе понимания особенностей сенсорных физиологических систем. Ассимиляция, принятие жизненных противоречий связано с чувством ценности еще не открытого, а оно может поддерживаться интуитивным метафорическим чутьем, предчувствующим трансмысл как метапозицию динамического концепта.

Открытость противоречиям жизни предполагает тиллиховскую экзистенциальную «отвагу быть» и, следовательно, возрастающую силу личности. О конгруэнтной, аутентичной самоконцептуализации как главном факторе личностного роста наиболее систематично на основе эффективной психологической практики «Группы встреч» говорил и писал К. Роджерс. Благодаря его трудам, а также работам последователей, «Я-концепция» сейчас признается центральным психологическим фактором личности и ее самоактуализации [17; 18]. Правда, в отношении самоактуализации экзистенциальные и трансперсональные психологи продвинулись существенно дальше – В. Франкл в концепте самотрансценденции и А. Маслоу в концептах метапотребностей и метаценностей [19; 20]. В. В. Налимов в «семантической вселенной» и Феррер в «космическом соучастии» за границами эго далеко раздвинули рамки и возможности понимания *концептуальной*, по сути *ноэтической* жизни личности [21; 22]. Сейчас это в академической науке воспринимается еще отдаленным горизонтом в исследовании личностного потенциала.

Однако, начиная с постфрейдовского психоанализа (А. Адлер и др.) до экзистенциальной и трансперсональной «отваги быть» (Тиллих, 2011; Луиджи, 2004; Уайт, 1996; Фрейдджер, 2008) за пределами эго, прослеживается осевой центральный фактор интереса психологов к личности, ориентированной на достижения [23; 24; 25; 7]. В отличие от мотивов признания и успеха, мотивация новых достижений, пробуждающаяся у ребенка с первых шагов его жизни, ведет к постоянному совершенствованию самовосприятия и самоконцептуализации в более реалистичном и позитивном ключе. Отвага риска и новые в связи с этим впечатления дают богатую пищу в плане оптимального использования открывающихся не только сильных сторон и способностей, но и своих особенностей, странностей на основе расширяющегося самопринятия. Локус контроля тяготеет к интернальному, уровень притязаний становится активным гибким и реалистичным. Повышающийся уровень собственно достоинства позволяет иметь не защитную (невротически завышенную или заниженную), а реалистичную ситуативно-пластичную самооценку. Постепенно проясняются менее утилитарные метаценности, имеющие разностороннюю противоречивую концептуализацию, оставляющую простор для метафорической интуиции [7; 26]. Для конкретизации поставленной проблемы для нас также важны недавно полученные результаты С. А. Купцовой, показавшие, что реализация ценностей, традиционно не связанная с уровнем психометрического интеллекта, однако имеет позитивные значимые связи с концептуализацией противоречий во внутреннем жизненном мире [27].

Метод психосемантического графа как модель исследования соотношения ценностно-смысловых и когнитивных аспектов концептуализации сознания личности

На основе выше сделанных обобщений мы можем предположить специфическую интеграцию ценностно-смысловых и когнитивных процессов во встрече со значимыми событиями. В свое время мы предположили в качестве операционализирующего инструмента использовать *модель психосемантического графа* (далее – МПСГ), который наглядно репрезентирует когнитивную структуру значимого (ценностно-смыслового) события. В качестве метода сбора информации

респондентам предлагалось заполнить проективную квадратную матрицу (7 x 7 или 10 x 10) дескрипторами, признаками, метафорами, характеризующими значимое событие. Например, последний разговор, оставивший особое впечатление. Респондентам предлагалась свобода выбора как количества дескрипторов, так и прояснения чувствуемых «аттракций» (+), «конфронтаций» (-), нейтральностей (0) во взаимоотношениях самих дескрипторов (табл.1).

Таблица 1

«Методика психосемантического графа» – МПСГ. Матричная форма.
Бланк методики оформлен следующим образом (пример):

Название значимого события «Последний разговор, оставивший особое впечатление»						
Признаки	№ признак а	1	2	3	...	1 0
	1	x				
	2		x			
	3			x		
	...				x	
	10					x

Инструкция к заполнению бланка:

1. *Вспомните последний разговор, оставивший особое впечатление, «засел в памяти». Постарайтесь припомнить, какое настроение было у Вашего партнера; о чем шла речь, в чем заключался смысл разговора в целом, какое настроение в момент разговора было у Вас.*

2. *Имея в виду всё вспомнившееся, попробуйте раскрыть смысл Вашего разговора с помощью любых удачных, на Ваш взгляд, признаков (характеристик или метафор). Количество характеристик произвольно; может достигать до 10. Не стоит искусственно его увеличивать, но надеемся, что Вам удастся найти не менее 5 признаков.*

3. *Запишите выделенные Вами признаки в строки первой большой колонки «Признаки». Имея в виду, что номера колонок означают номера названных Вами признаков, определите характер их отношений, соотнося их друг с другом. Признаки, которые тяготеют друг к другу, будете обозначать знаком (+); противостоящие друг другу – знаком (-); нейтральные друг другу – знаком (0). Эти обозначения поставьте в соответствующие клетки матрицы.*

4. *Клетки матрицы с неопределенными отношениями оставляйте пустыми.*

Как видим, существенное отличие этого метода от метода репертуарных решеток G. Kelly [13] в том, что здесь мы акцентировали интуитивную психоэнергетическую сторону актуализированного эйдоса, т.е. мы хотели сохранить ему жизнь.

Идея методики психосемантического графа имеет экспериментальное происхождение. Пытаясь быть ближе к феноменологии общения, я давал студентам три проективные задачи: 1) назвать основные характеристики своего «практического Я» и отметить затем по шкале семантического дифференциала (от -3 до +3) степень их соответствия своему «истинному Я»; 2) в духе социометрии назвать наиболее близких партнеров общения в учебной группе; 3) обозначить основные свои «образы Я» (Я-образы) любыми произвольными характеристиками.

Были обнаружены парадоксальные, на первый взгляд, результаты. Лица с высоким показателем субъективной оценки «соответствия практического и истинного Я» имели в среднем четыре взаимных партнерских связи в группе и четыре Я-образа, а лица с низким показателем субъективной оценки соответствия между практическим и истинным Я имели в среднем по шесть взаимных связей с членами группы и шесть Я-образов.

Чувство несамотождественности как следствие принятия противоречий в самовосприятии и восприятии значимых событий оказывается положительно связано с интенсивностью и масштабом личностного роста в интра- и интериндивидуальном планах.

Рассмотренная выше «психосемантическая ось» индивидуальности, как интегральный личностный смысл, образованный *противоречивым* отношением образов-смыслов «практического» и «истинного» Я, обнаруживает сложную *гармонизирующую функцию* в системе межличностных отношений коммуникативного мира личности, обеспечивающей полноценность ее самореализации. Под гармонией и гармонизирующей функцией здесь понимается согласование и эффективная интеграция противоречащих друг другу тенденций.

Все сказанное позволяет предположить существование универсального психосемантического фактора формирования интра- и интерперсонального пространства коммуникативного мира личности – фактора, который определяет как смысловую (духовную) архитектуру личности, так и структуру внешнего пространства ее самореализации.

Очевидно также то, что противоречие разрушает, «разъедает» извне или изнутри слабую систему, в том числе и психосемантическую*, но может быть жизненным ядром интенсивного развития сильной системы. Так, лица с неакцентированной индивидуальностью избегали экзистенциального парадокса отношения «практического» и «истинного» Я, наиболее лаконично сформулированного Ж.П. Сартром: «Человек есть то, что он не есть, и есть не то, что он есть».

Таким образом, антиномии, парадоксы могут быть смыслообразующими ядрами только наиболее зрелых психосемантических структур индивидуальности (ее внутреннего и внешнего миров). Следовательно, для изучения и прогнозирования развития духовной организации личности и коммуникативного мира как пространства и способа ее самореализации необходимо исходить из более общей концепции психосемантического процесса и строить на этой основе более общую методику исследования индивидуальной психосемантики.

Валидность МПСГ в целом и конкретных ее показателей проверялась в комплексном исследовании самореализации личности в структуре коммуникативного мира личности путем корреляционного и факторного анализа массива данных 112 испытуемых – студентов 2-4 курсов филологического, юридического и геолого-географического факультетов Томского университета - по МПСГ, Миннесотскому многофакторному личностному опроснику (ММРІ) и Методу моделирования коммуникативных миров (ММКМ) (Кабрин 2005) [28].

Анализ результатов исследования проведен преимущественно по двум направлениям. 1) Прежде всего, содержательно описывается валидность основных параметров МПСГ по результатам корреляционного анализа. 2) На этой основе проверяется гипотеза об антиномической коммуникативной природе психосемантической зрелости личности (ее индивидуальности) и связанной с этим эффективности ее самореализации в общении.

Валидность параметров МПСГ обнаруживается в комплексах их статистически достоверных связей с дополнительными шкалами различных свойств личности

* Концепция когнитивных балансов Ф. Хайдера, Л. Фестингера, Р. Ньюкомба – яркие примеры таких систем.

(ММРІ).

Объем психосемантического поля (количество заполненных клеток матрицы) коррелирует с «социальной отчужденностью», связанной с «отсутствием такта» ($r=0,24$; $p=0,01$), «миротворчеством» ($r=0,23$; $p=0,01$), непоследовательностью ответов по ММРІ, снижающей их валидность ($r=0,22$; $p=0,05$), «вытесненной социальной тревогой» ($r=0,19$; $p=0,05$). Эти связи подтверждают предположение об импульсивно-диффузной природе психосемантического поля как наименее организованной психосемантической единице. Поэтому симптоматична отрицательная связь объема психосемантического поля с обучаемостью личности ($r=-0,28$; $p=0,01$). Таким образом, видим, что *диффузная семантика* как когнитивная составляющая предполагает диффузность интересов личности в целом.

Психосемантический концепт – принятие противоречий (общее количество минусов в матрице) положительно коррелирует с правдивостью ($r=0,25$, $p=0,01$), смущаемостью ($r=0,26$, $p=0,01$), оригинальностью ($r=0,21$, $p=0,05$), отзывчивостью ($r=0,20$, $p=0,05$), интеллектуальной продуктивностью ($r=0,20$, $p=0,05$), индивидуальностью ($r=0,34$, $p=0,0001$). В то же время психосемантический концепт отрицательно связан с ложью ($r=-0,27$, $p=0,01$), защитной реакцией на тест ($r=-0,24$, $p=0,01$), наивностью ($r=-0,21$, $p=0,05$) и миротворчеством ($r=0,25$, $p=0,01$). Все связи отчетливо подтверждают валидность параметра психосемантического концепта как индикатора наиболее зрелой, антиномической смысловой единицы сознания личности.

Противопоставленность в психосемантическом концепте правдивости, смущаемости, оригинальности, отзывчивости, продуктивности таким характеристикам, как ложь, защитные реакции, миротворчество и наивность, говорит о нравственно-творческой его природе, связанной, видимо, с симптомокомплексом индивидуальности, в котором обнаруживается специфическая синергия ценностно-смысловых и когнитивных его характеристик.

Базисность психосемантического концепта проявляется уже в том, что антиномичность Я-образа партнера и образа запомнившегося с ним разговора тесно связаны ($r=0,44$; $p=0,001$). Находясь в основании нравственно-творческого синдрома внутреннего мира личности, психосемантический концепт обнаруживает также и специфический, комплекс связей с непосредственно коммуникативными характеристиками. Об этом говорит тесная связь, обнаруженная между психосемантическим концептом и количеством взаимных связей, определяющих объем эффективного коммуникативного мира личности ($r=0,44$; $p=0,001$). В рамках этой сферы взаимности в общении обнаружены также связи психосемантического концепта с коммуникабельностью личности (понятностью для партнера), коммуникативностью (понятливостью в отношении партнера), согласованностью и взаимодополнительностью этих характеристик в связи с вовлеченностью партнеров в процесс общения (всего 12 связей, $p=0,06-0,001$).

Для понимания роли концептуализации в эффективной самореализации личности рассмотрим корреляционный граф существенных в данном контексте связей (рис.1):

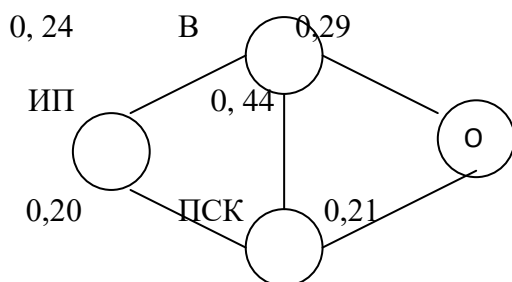

Рис.1

В – взаимность; О – оригинальность; ПСК – психосемантический концепт (показатель антиномической ориентации); ИП – интеллектуальная продуктивность; над связями указаны коэффициенты корреляции.

Можно предположить, что на основе ПСК взаимность постоянно корректируется, становится более «зрячей», поэтому индивидуальность партнера не игнорируется, а утверждается в общении и становится основой продуктивности, что и определяет характер самореализации личности. Таким образом, ассимилятивная чувствительность к противоречиям психосемантического концепта в связке с возрастающей взаимностью может рассматриваться как фактор конструктивного предпринимательства, объединяющего когнитивные, креативные и ценностно-смысловые модусы сознания личности.

Перспективы

Представленные данные говорят о том, что МПСГ релевантен для исследования специфики синергии ценностно-смысловых и когнитивных процессов у инновационно-ориентированной молодежи. Выраженная связь степени психосемантической концептуализации личности со степенью взаимности ее партнерских отношений в группе означает прогностическую ценность МПСГ при анализе эффективности реализации инновационных идей в соответствующем профессиональном и социокультурном сообществе. В этом направлении оправдана модификация общей матрицы значимого события МПСГ в коммуникативную матрицу встречи «Я и группа» и зеркальную ей матрицу «Я глазами группы». Расширение понимания возможностей реализации инновационных замыслов творческой личности в социокультурном контексте согласуется с нашей концепцией творческой коммуникации (Кабрин, 2005), образуемой фактором стресс-транс-формации как центральным фактором эмерджентного развития личности в целом [28].

Нами показано, что именно личность, не истощающая себя естественной органичной энергией стресса, рискует трансформировать ее в пиковом переживании в конструктивный инсайтный процесс – эмерджентный транс. Этот процесс сохраняет здоровье, и актуализирует рост достижений личности (Кабрин, 2013) [29]. Такие творческие проявления, связанные с духовным личностным ростом очень естественны, если позволять им быть. Это страх, трансформирующийся в любопытство; тревога, преобразующаяся в надежду; здесь же парадоксальные концептуализации классических стресс-транс-формаций: слезы радости, смех от безысходности, горе от ума и т.п. Способность создавать ассимилятивные парадоксальные концепты в противоречивой по определению коммуникативной ситуации, где сталкиваются «жажда изречения» и «страх обреченности», развивает транскомуникативный творческий потенциал личности.

В этом контексте релевантным дополнением прогностического комплекса МПСГ был бы активный проблемный Тест транскомуникативной синхронистичности (ТТС), чувствительный к актуализации синхронной обратной связи (СОС). СОС объединяет в транскомуникативном процессе разномодальные коммуникативные каналы (минимум аудиальный и визуальный), содержащие большое разнообразие смысловых кодов. Это также содействует анализу синхронизации когнитивных и ценностно-смысловых процессов в инновационном творчестве. Последняя методика представлена в наших работах [28], а апробация предлагаемого проекта – дело ближайшего будущего.

Литература

1. Матейко А. Условия творческого труда. М., 1970.

2. Лук А.Н. Контуры эвристической психологии. Сборник научных трудов. М., 2011.
3. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб, 2002.
4. Любарт Т. Психология креативности. М., 2009.
5. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М., 2002.
6. Юнг К. Аion. Исследование феноменологии самости. М., 1997.
7. Фрейджер Р. Большая книга психологии. Личность: теории, упражнения, эксперименты. М., 2008.
8. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб, 1996.
9. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., МГУ, 1975.
10. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 2001.
11. Osgood С. Е. The nature and measurement of meaning, Psychological Bulletin, 1952, 197–237.
12. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977.
13. Kelly G.A. The Psychology of Personal Construct. New York: Norton, 1955 (Republished by Routledge, London-New York, 1991).
14. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997.
15. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М., 2011.
16. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 2012.
17. Карл Роджерс и его последователи. Психотерапия на пороге XXI века / Под ред. Д. Брэзиера. М., 2005.
18. N. Rodgers Creative Connection for Groups: Person-Centered Expressive Arts for Healing and Social Change. New-York, 2011.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. 1990.
20. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 2011.
21. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М., 2004.
22. Кабрин В.И. Нозетическое измерение в психологии человека: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 23 – 30.
23. Тиллих П. Мужество быть. М., 2011.
24. Луиджи З. Созидание души. М., 2004.
25. Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? / Под ред. Дж. Уайта. М., 1996.
26. Сметанова Ю.В. Ценностно-смысловые основания предпринимательской деятельности // Вестник томского государственного университета. № 365. 2012. С. 154 – 157.
27. Купцова С.А. Когнитивные аспекты реализуемости личностных ценностей. Автореферат дисс. канд. психол. н., Казань, 2010.
28. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. Томск, 2005.
29. Кабрин В.И. Антропологическая или нозетическая эмерджентия сознания 3.0 // Сибирский психологический журнал № . 2013. С.